

Тестовые вопросы по тексту газетной публикации Вариант 1.

I. Внимательно прочитайте текст.
«Литературная газета». – 2011. – № 1.

Утомлённые грамотой. Язык мой – враг мой?

[Из интервью доктора филологических наук, директора Института лингвистики РГГУ Максима КРОНГАУЗА.]

– В вашей книге «Русский язык на грани нервного срыва» есть такие слова: «Глупо говорить о его (языке. – В.Б.) засорённости, глупо вообще пенять на язык, коли жизнь у нас такая. И надо быть терпимее и помнить, что слова суть отражения». Неужели не надо возмущаться тем, что происходит?

– Может быть, и надо, но так специалисты – лингвисты, филологи – рискуют оказаться в изоляции. Они могут поучать, рассказывать, как сделать язык чистым, красивым, но вряд ли от этого ситуация изменится. Единственная приемлемая, во всяком случае, для меня, позиция состоит во взаимодействии с обществом и наблюдении за состоянием языка.

Идёт совершенно естественный процесс, ставший следствием огромных внешних изменений – политических, экономических, технологических. Язык становится иным, чтобы обслуживать наши потребности. Это можно обсуждать, об этом можно спорить, но ужасаться и возмущаться, на мой взгляд, неконструктивно.

– Были ли в нашей истории периоды, когда русский язык резко менялся?

– Были. И всякий раз это становилось следствием серьёзных перемен.

Большое количество заимствований появилось в Петровскую эпоху, во время технологического прогресса, всплеска интереса к загранице: баталия, виктория, фортеция, политес, ассамблея. В послереволюционное время, когда возник новый политический строй и изменился весь уклад жизни, возникли слова: ликбез, соглашательство, нацмен, женкор.

Мы видим сходство с теми историческими периодами, но в нашем времени есть и своя уникальность. На нынешнее состояние языка огромное влияние оказал Интернет – ничего похожего раньше не было.

– Хорошо, будем реалистами. Есть ли положительный момент в том, что происходит?

– Конечно. Если бы не многочисленные заимствования, мы бы просто не справились с ситуацией: то есть не могли говорить о том, что происходит, не понимали бы друг друга.

– Максим Анисимович, разве в русском языке недостаточно синонимов тех или иных иностранных слов?

– Да, русский язык мог использовать свой потенциал – образовывать новые слова с помощью собственных корней. Однако – и это вызывает в обществе наибольшее раздражение – он пошёл по пути заимствований. Взяв чужие корни, в подавляющем большинстве английские, стал образовывать при помощи собственных суффиксов, приставок слова-родственники. Например, от слова «пиар» образовались «пиарщик», «пиарить»...

– А всем ли «пришельцам» уютно в русском языке?

– Борьба с заимствованиями идёт внутри самого языка. Чужое слово либо исчезает, либо осваивается и перестаёт восприниматься как иностранное. Можно привести массу

примеров, когда оно обрусело. Различных заимствований в русском языке огромное количество, и ничего страшного в этом нет.

Сейчас русский язык тоже активно использует свои ресурсы на освоение новых слов, на их «одомашнивание».

– В конце сороковых – начале пятидесятих годов, когда шла «борьба с низкопоклонством перед Западом», русский язык «чистили» от иностранных слов. «Голкипер» заменили «вратарём», «норд» – «севером», «шофёр» – «водителем». Это помогло языку?

– Пока действовал запрет на иностранные слова, использовались только русские. Но как только позволили выбирать, они стали конкурировать между собой. Такой же «спор» шёл и между другими словами.

Приведу пример иного рода. В XIX веке министр просвещения России славянофил Александр Семёнович Шишков в противовес иностранным предложил использовать русские слова – например, *мокроступы* вместо *галош*, *трупоразъятие* вместо *анатомии*, *шарокат* вместо *бильярда*. Но насильственное внедрение не имело успеха.

Много и часто использовал в своих произведениях новые слова Александр Исаевич Солженицын. Но в русский язык – об этом можно сожалеть или признать справедливым – они не вошли. Также можно спорить о том, какие слова лучше – русские или заимствованные.

– Что вы скажете о словах-паразитах? Обо всех этих «как бы», «конкретно», «в натуре»...

– Конечно, в больших количествах они режут слух, мешают коммуникации. Но их дозированное использование, по-моему, допустимо – они заполняют паузу, дают человеку подумать, что сказать дальше.

– Может быть, всё же следует использовать Закон «О государственном языке»?

– Он предусматривает наказание, но не конкретизирует, какое именно и за что. Поэтому можно постоянно задумываться: преступают государственные деятели в своих выступлениях закон или нет? Между прочим, он сам сформулирован с употреблением не вполне литературных выражений, то есть бюрократических оборотов.

Кстати, это весьма актуальная тема: должны быть законы доступны всем или только профессиональным юристам? Если они непонятны, как их можно соблюдать?

– Открыл закон и прочитал: «При использовании русского языка как государственного языка Российской Федерации не допускается использование слов и выражений, не соответствующих нормам современного русского литературного языка...» Тогда почему герои книг, фильмов и спектаклей порой используют ненормативную лексику?

– То, что случилось за последние, наверное, лет двадцать, – настоящая катастрофа для языка. Ненормативная лексика вырвалась на свободу, когда ломали различные запреты. Если в начале перестройки появление матерных слов в литературе и искусстве оказывало сильное эмоциональное воздействие на зрителей, то, расплодившись, эти выражения перестали работать как художественный приём. Ненормативная лексика была опасным оружием, а превратилась в грязь, покрывающую нашу речь.

– Кто должен хранить или охранять язык? Может быть, лингвисты?

– Сначала надо разобраться: какой язык? Живой? Или его идеал? Если мы говорим об идеале, то такую миссию выполняют словари. Лингвисты же фиксируют развитие языка, находят компромисс между старым и новым. И особенно важная и ответственная роль им принадлежит сегодня, во время активных перемен. Если лингвист слишком консервативен и отбрасывает всё новое, то в результате он получает красивый язык, на котором уже не говорят. Если же брать в расчёт лишь новое, забывая о старых нормах, результатом станет разрыв между поколениями.

Важно найти компромисс между консерватизмом и радикализмом, иначе говоря, не дать языку разорваться на две части.

– **Ваша идея создать музей вышедших из употребления слов наверняка нашла отклик...**

– Нужна коллективная память, когда люди будут вспоминать старые, дорогие сердцу слова, связанные, может быть, с памятными событиями в жизни, и «сдавать» их в музей. Как осуществить такую идею? Парадоксально, но для сохранения традиций нужно использовать новые технологии. Эта идея, скорее всего, будет реализована в Интернете.

– **Скажите, а много ли сейчас писателей, которые изъясняются на нормальном языке?**

– Достоинство литератора, как мне кажется, не в том, чтобы писать, соблюдая все правила орфографии и пунктуации, а в том, чтобы язык был оригинальным. Скажем, наши великие писатели Достоевский и Толстой в своё время выпадали из «общего ряда», но важно, что по одной их фразе становилось ясным, кто автор. Андрей Платонов – вот, пожалуй, самый замечательный пример яркого и самобытного, хотя и совершенно «неправильного» языка.

Сейчас есть масса людей, которые пишут по правилам, но их язык совершенно не отличим от других. Он гладкий, но серый.

– **Нынешняя молодёжь, мягко говоря, «не отягощена» грамотностью. Не оттого ли, что мало читает?**

– Утверждать, сколько они читают, я не могу. Сегодня читают иначе и другое. Книжки менее популярны, информацию молодые люди в основном черпают из компьютера.

При общении со своими студентами я поражаюсь несовпадению наших с ними базовых знаний. Более того, сейчас вообще нет общепризнанного обязательного канона. Раньше были произведения, которые читали все – например, «Мастер и Маргарита»... Люди «перекликались» цитатами – из Ильфа и Петрова, Окуджавы, братьев Стругацких, Трифонова. Сейчас это невозможно – мы потеряли общее поле, на котором существовали.

Почти не осталось точек соприкосновения не только между представителями разных поколений, но и между сверстниками. Нельзя сказать, что все молодые знают одни и те же тексты.

– **Каким вам видится русский язык будущего? Чем сердце лингвиста успокоится?**

– Прогнозы – дело неблагодарное. Но в сегодняшнем обществе заметна тяга к консерватизму, в том числе языковому. Общество в штыки принимает различные изменения в словарях, вплоть до включения туда новых слов. Так, недавно всерьёз обсуждалось, нужно ли включать в словарь слова *гламур* и *блог*, хотя они не просто вошли в русский язык, но и употребляются чаще, чем многие исконно русские слова. Однако консерватизм – всего лишь одна из существующих тенденций.

Язык, как показала история, подвержен внешним влияниям. И если в политической и социальной жизни, а также в области технологий нас ждут перемены, это снова отразится на языке.

Беседу вёл Валерий БУРТ

II. Ответьте на вопросы.

1. Какой позиции, по мнению М. Кронгауза, должен придерживаться учёный-лингвист, размышляя о процессах, происходящих в языке?

2. Как Вы понимаете смысл заголовка публикации?

3. Согласны ли Вы с мнением учёного, что «на нынешнее состояние языка огромное влияние оказал Интернет»? Подтвердите ответ примерами.

4. Каково лексическое значение слова «пиар»?

5. Разделяете ли Вы точку зрения учёного по поводу использования слов «как бы», «конкретно» и подобных: «В больших количествах они режут слух, мешают коммуникации. Но их дозированное использование, по-моему, допустимо — они заполняют паузу, дают человеку подумать, что сказать дальше»?

6. Каково лексическое значение слова «блог»?

7. Согласны ли вы с точкой зрения М. Кронгауза: «Почти не осталось точек соприкосновения не только между представителями разных поколений, но и между сверстниками»?

8. Каким, по Вашему мнению, должен быть язык публикаций современных журналистов?